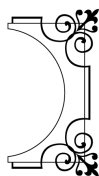

ДЖОН КЕНДРИК БЭНГС
(1862–1922)

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ
ТОМАСА БРАГДОНА

Однажды утром, прошлой зимой, я был сражен известием, прочитанным в «Таймс», что мой друг Том Брагдон внезапно скончался от гриппа. Новость меня ошеломила, как удар грома среди ясного неба: я ведь не знал даже, что Том заболел. Не далее как четыре дня назад мы встречались за обедом, и если кто-то из нас нуждался в сочувствии, то это я, поскольку жестокая простуда отравляла мне все удовольствие от анчоусов, филея, сигары, а главное — речей Брагдона, а он в тот вечер был в ударе и говорил еще вдохновенней, чем обычно. Последним его напутствием мне были слова: «Береги себя, Фил! Просто не знаю, что со мной будет, если ты помрешь: мне уже не избавиться от привычки обедать только с тобой и заказывать по две порции каждого блюда, но одному мне с таким количеством не справиться — это ж будет сплошное расточительство!» А теперь он сам ступил в долину смертной тени, я же остался скорбеть в одиночестве.

Я был знаком с Брагдоном лет десять-пятнадцать; все это время он занимался оптовой торговлей и вполне процветал. Мы дружили, но особенно тесно сблизились в последние пять лет его жизни; меня привлекали его честность и искренность, его изумительная фантазия и совершенно оригинальная, как мне представляется, натура — не знаю, кого с ним и сравнить. Он же, вероятно, видел во мне одного из тех немногих, кто был

способен его понять, благожелательно отнестись к его странностям, которых имелось немало, в полной мере разделить его причуды и настроения. Это была идеальная дружба.

У нас вошло в обычай совершать каждое лето, как выражался Брагдон, мысленные путешествия: обыкновенно в начале весны мы с ним выбирали для исследования какой-нибудь отдаленный уголок земли. Мы оба прочитывали всю, какую могли достать, литературу об этом месте, проникались его духом, атмосферой, историей, а в августе садились на принадлежавшее Брагдону суденышко с косым парусным вооружением и на неделю пускались в плавание по проливу Лонг-Айленд или по Гудзону, в пути же не говорили ни о чем, кроме местности, выбранной для воображаемого посещения, делились всеми сведениями, какие удалось добыть. Таким способом мы неплохо изучили некоторые интересные места, где ни один из нас не бывал, а вероятно, никогда и не побывал бы, поскольку мне не хватало денег, а Брагдону — времени. Помнится, впервые такой план был предложен Брагдоном, и я сначала ответил скептической усмешкой; однако со временем я оценил причудливость идеи, и первая мысленная поездка (в Белуджистан) так мне понравилась, что я не мог дожидаться второй, а впредь с превеликой охотой готовился к нашим ежегодным вылазкам, деля с Брагдоном труды и расходы. Подобным манером мы изъездили весь земной шар, а также одну или две другие планеты: сколь ни увлекательно было посещать в мыслях незнакомые страны, нас ничто не удерживало в общепринятых границах и там, где не хватало книжных сведений, мы пускали в ход воображение. Билет во Вселенную стоил нам недорого: понадобилось только заплатить капитану нашей яхты, закупить жестянки с провизией на неделю и немного напрячь серое вещество, чтобы вызвать в воображении картины, ни нам, ни кому другому не знакомые. Наши поездки всегда бывали упоительны; однажды мы объездили в мыслях Италию, которой прежде не видели, а впоследствии мне выпала

удача осмотреть ее красоты наяву — так вот, воображение далеко опередило реальность.

— Мы начнем с Сен-Готарда, — сказал Брагдон, когда предложил путешествие по Италии, — подробное описание я подготовлю сам. Ты можешь взять на себя озера, до Комо. На мне путь от Комо до Милана и сам Милан. Верона и Падуя — за тобой, Венеция — за мной. Римом и Неаполем займемся вместе, но там, для экономии времени, я возьму Помпеи, а ты — Капри. Оттуда — в Рим, из Рима — в Пизу, Геную и Турин, день посвятим Сиене и старинным этрусским городкам и покинем Италию по дороге Турин — Женева, через перевал Мон-Сени. Если хочешь, можешь проехаться по Ривьере и посетить Монте-Карло. Хотя я предпочел бы этого не делать: это придаст поездке сходство с сенсационным романом, что мне лично не по вкусу. Тебе придется играть, и, если не обуздывать фантазию, непременно последуют проигрыш, разорение, мысли о самоубийстве и прочее подобное. Едва ли результаты оправдают затраченные умственные усилия, и мне твой рассказ уж точно не доставит удовольствия. А так нам с лихвой хватит пяти дней на завершение поездки, и оставшиеся два дня, если ты не против, мы могли бы посвятить рыбалке. Говорят, голубая рыба нынче клюет как бешеная.

Сейчас я сожалею, что, совершая наши мысленные путешествия, мы не прибегли к услугам стенографистки: помнится, странствие по Италии вполне заслуживало увековечивания в виде книги, в особенности часть, сочиненная Брагдоном, — это была блестящая игра воображения, и я даже готов радоваться тому, что ему не привелось в реальности посетить те места, о которых он так красноречиво мне повествовал. Боюсь, действительность его бы разочаровала, особенно Венеция, представлявшаяся ему неким подобием плавучего земного рая.

— Ах, Филип, — сказал он однажды вечером, когда мы встали на якорь в небольшой бухточке у Милфорда в штате Коннектикут. — Венецию мне никогда не за-

быть. Вот это, — он указал на посеребренную лунной водную гладь, — вот это напоминает мне о ней. Покой, очарование, красота. Когда я приехал, уже настала ночь, и мне показалось, будто я вступаю в обитель мертвых. Ни суеты большого города, ни шума, ни грохота; ничего, кроме массивных строений, встающих из спокойных вод наподобие гигантских гробниц. Когда же мой гондольер взялся за весло и черная, как погребальный покров, лодка, которой я доверил себя и свой саквояж, заскользила по неосвещенным протокам, на меня мощной волной нахлынула меланхолия; но вот из узких улочек мы вырвались на ослепительный простор Большого канала, и меланхолия рассеялась без следа: отовсюду потоками лился свет, огни множились, отраженные в тихих водах, по которым стремительно летела моя гондола. Передо мной словно бы приоткрылись райские кущи, и на пороге своего дворца я помедлил, желая, чтобы плавание продлилось в бесконечность.

— Выходит, ты остановился во дворце? — Меня позабавил размах его воображаемой поездки.

— Конечно. Почему бы нет? Венеция, Фил, не то место, где я соглашусь остановиться в отеле. Венеция принадлежит прошлому, когда отелей не существовало, и я, чтобы быть en rapport¹ с окружением, поселился, как уже было сказано, во дворце. Он расположен, разумеется, не на центральных улицах, но все же это дворец, красивый дворец. А улица! Это живописный ручей, где резвятся мириады золотистых рыбок; при появлении гондолы они прыскают врассыпную, чтобы переждать в укрытии, пока нарушитель спокойствия не выйдет в Большой канал; после этого неспешно выплывают, чтобы вновь позолотить своей чешуей серебряную водную гладь.

— А не ударился ли ты в расточительность, Том? — спросил я. — Дворцы — недешевое удовольствие, так ведь?

¹ В согласии (фр.).

— Нет-нет, — возразил он серьезно, словно в самом деле совершил поездку и теперь делился добытыми сведениями, — никакая это не расточительность. Учти, что в Венеции любой пригодный для обитания дом именуют дворцом, а также что не нужно платить чаевые слугам, поскольку их попросту нет; к твоим расходам на освещение, то есть на свечи, не добавляются прибыль хозяина, плата консьержке, горничной и прочие, по отдельности мелкие суммы; это из-за них гостиничный счет воспринимается как грабеж на большой дороге. Нет, в целом во дворце жить дешевле, чем в отеле, побочные расходы меньше и случаются не так часто; а кроме того, ты ни от кого не зависишь. Мне достался дворец из самых красивых. У меня вроде бы есть картинка.

Порывшись в сумке, Брагдон вынул небольшую фотографию без рамки с венецианской уличной сценкой, указал на нарядное здание слева и уверил, что это его дворец, хотя название он забыл.

— Кстати, — сказал он, — замечу в скобках: по-моему, ради большего *vraisemblance*¹ наших заграничных путешествий стоило бы время от времени иллюстрировать их фотографиями. Как ты думаешь? На 23-й улице, у Бланка, их продают по четвертаку за штуку.

— Отличная мысль. — Меня позабавил основательный подход Брагдона к Венеции. — Так нам будет гораздо проще вспоминать то, чего мы не видели.

— Да, — кивнул Брагдон, — а кроме того, это удержит нас от преувеличений.

Он стал рассказывать дальше о месяце, проведенном в Венеции, как нанял на весь срок гондолу у красивого венецианского юноши, чье имя значилось на карточке (Том напечатал ее специально для этого случая):

ДЖУЗЕППЕ ДЗОККО
ГОНДОЛЫ КРУГЛОСУТОЧНО
На углу Большого канала и улицы Гарибальди

¹ Правдоподобие (*фр.*).

— Джузеппе — человек яркий, — продолжал Брагдон. — Наследник минувшей эпохи. Распевал как птичка, по вечерам привозил к моему дворцу своих друзей, причаливал лодку у столба перед дверью, и целый час они хором исполняли для меня нежные итальянские мелодии. Лучше, чем опера, а стоило мне всего лишь десять долларов за весь сезон.

— А что, Том, этот Джузеппе говорит по-английски? — осведомился я. — Или ты владеешь итальянским? Хотелось бы знать, как вы общались между собой.

— Думал, думал я над этой неувязкой, дорогой мой Фил, — отозвался Брагдон, — но ни к чему не пришел. Я спрашивал себя, что правдоподобней: чтобы Джузеппе говорил по-английски или я — по-итальянски? Последний вариант казался мне предпочтительней: легче представить себе американского торгового посредника, владеющего итальянским, чем итальянского гондольера, владеющего английским. С другой стороны, мы желаем, чтобы наши отчеты о путешествиях были правдоподобными, а тебе не хуже меня известно, что я не знаю ни слова по-итальянски, а насчет предполагаемого Дзокко — кому ведомо, может, он болтает на английском как на своем родном? Честно говоря, Фил, я надеялся, что ты не задашь этот вопрос.

— Хорошо, беру его обратно. Речь идет о мысленном путешествии, так что мы вольны принять любое решение.

— Думаю, ты прав. — Продолжая рассказ, Брагдон описал великолепную роспись стен дворца; рассказал, как сам попробовал управлять гондолой и в результате искупался в «восхитительно теплых водах канала». Он привел такие подробности, что хотелось ему верить.

Однако самой вершины реализма Брагдон достиг, когда, рассказывая о своем прибытии в Венецию, порылся в глубинах жилетного кармана, извлек на свет божий серебряную филигранную гондолу и подарил мне.

— Я приобрел ее на площади Святого Марка. Зашел в собор, осмотрел мозаичные полы, взобрался на Кам-

панилу, покормил голубей и собирался вернуться к себе, но вспомнил о тебе, Фил, и о том, что ты готовишься к Риму, который у нас обоих впереди. «Дружище Фил! — подумал я. — Ему будет приятно узнать, что я о нем вспоминаю», а потому я остановился у одной из колоритных лавочек на площади, где весь товар выставлен в витринах, и приобрел этот сувенир. Это пустяк, дружище, но держи на память.

Я взял фигурку и с чувством пожал Тому руку. Мимо прошел на якорную стоянку небольшой паровой буксир, наше суденышко закачалось на волнах, и на мгновение я почти поверил, что Том на самом деле побывал в Венеции. Я по-прежнему храню, как сокровище, эту филигранную фигурку, а посетив спустя несколько лет Венецию, я не нашел там ничего такого, на что согласился бы променять милый моему сердцу сувенир.

Как уже догадался читатель, Брагдон был прежде всего шутник, но, слушая его шутки, искренние, зажигательные, не сочиненные заранее, хотелось временами сравнить их с истинной поэзией. Да, он был сама доброта, и, когда я осознал, что он меня опередил, что не будет больше путешествий, которым мы год за годом заранее радовались, как дети, из глаз у меня потекли слезы. Я был безутешен, и все же прошла неделя, и я от души посмеялся над Брагдоном.

Когда было зачитано завещание Тома, выяснилось, что он назначил меня распорядителем своего литературного наследия. Я просто покатился со смеху при мысли, что Брагдону требуется распорядитель литературного наследия; при всем его юморе и воображении он прочно ассоциировался у меня с бизнесом, но никак не с литературным творчеством. Мне даже казалось, что он чужд литературы. Едва совершив с ним две-три мысленные поездки, я обнаружил, что он более полагается на собственную фантазию, чем на сведения, почерпнутые из книг. Точно так же он был настроен и позднее, при уже описанном довольно подробно посещении Италии, когда мы вместе занима-

лись Римом; позднее я смог оценить, до какой степени эти путешествия действительно были плодом его мыслей. Это был полный произвол: чего ему хотелось, то он и выдумывал, не считаясь ни с историей, ни с топографией. В противном случае разве стал бы он убеждать меня, что ему довелось побывать на том самом месте в Колизее, откуда Цезарь обращался к римской толпе, пламенно призывая ее воспротивиться Папе, посягающему на свободы граждан!

Сначала мне пришло в голову, что мой покойный друг позволил себе замогильную шутку, и я понял ее и оценил по достоинству. Однако через несколько дней мне поступила записка от его душеприказчиков, в которой было сказано, что в доме Брагдона, в кладовой, нашли большую коробку, полную книг и бумаг, а на крышке была приклеена карточка с моим адресом, и тут я заподозрил: что, если у моего покойного друга совсем уж разыгралось воображение и он возомнил, будто обладает литературным талантом?

Я тут же ответил душеприказчикам, что прошу срочно отослать мне эту коробку через транспортную контору, и стал ждать ее не без интереса, а также, признаюсь, тревоги: меня немало удручают опусы иных моих приятелей, обделенных литературным даром, но маниакально приверженных сочинительству, что же до Брагдона, то наше длительное с ним общение никогда не приносило мне ничего, кроме радости, и я очень боялся после его смерти в нем разочароваться. Я считал Тома поэтом в душе, но едва ли мог вообразить себе написанное им стихотворение; что я смогу переварить вышедшие из-под его пера рассказ или краткий очерк — сомнения не вызывало, но слабых стихов я боялся как огня.

Короче говоря, я ждал бы от поэзии Брагдона богатства поэтической фантазии, преподнесенной, однако, в неуклюжей манере коммерсанта. В нем привлекали непосредственность живой речи, обезоруживающая увлеченность, что же до отделанных стихов — о них я не решался за-

думываться. Именно из-за моих опасений коробка несколько дней простояла закрытой: громоздкая, чуждая окружающей обстановке, как дубовая обшивка гроба, она пугала своим объемом и рождала печальные мысли о перешедшем в мир иной грузоотправителе; но в конце концов чувство долга взяло верх, и коробка была открыта.

Она была наполнена до краев: печатные книги в красивых переплетах, тетради с записями рассказов, в которых я узнал почерк Брагдона, бесчисленные рукописи, а также — чего я больше всего опасался — три переплетенные в юфть записные книжки с заглавием на титульной странице: «Стихи Томаса Брагдона» и посвящением «дражайшему другу», то есть мне. В тот вечер мне не хватило духу полистать дальше, я занялся тем, что перенес содержимое коробки в библиотеку; закончив, я ощутил неодолимую потребность надеть пальто и, несмотря на плохую погоду, выйти на улицу. Даже если бы литературное наследие Томаса Брагдона было сложено в открытом поле, мне все равно не хватало бы воздуха с ним рядом.

Вернувшись домой, я не ощутил ни малейшего желания читать «Стихи Томаса Брагдона», а отправился напрямиком в постель. Спал я плохо, всю ночь вертелся с боку на бок, наутро встал разбитым и усадил себя за бумаги и книги, которые мой покойный друг доверил моему попечению. И что же я там нашел! Взялся я за дело в унылом настроении, а под конец не знал, что и думать: подборка не только озадачивала — она ошеломляла.

Прежде всего, открыв том первый «Стихов Томаса Брагдона», я наткнулся на следующие строки:

ПОСТОЯНСТВО

Слышал часто я о ней:
Не найти, мол, губ алей.
Что мне до всякой болтовни!
Алей я видел, чем они.
Улыбки слала ты мужчинам
Губами, что под стать рубинам.
Помертвел их яркий цвет —

И они со мной в раздоре,
Но любви сияет свет
Мне в твоём прекрасном взоре.
Он милей мне — даже хмурый —
Губ любой смешливой дуры¹.

Мне показалось, что где-то я уже встречал эти строки, но где, я пока не мог определить. Безусловно, они были хороши, хороши настолько, что я усомнился, точно ли их сочинил Брагдон. Перевернув еще несколько страниц, я обнаружил вот что:

РАЗУВЕРЕНИЕ

Ко мне — я жду вас, дети!
За шумною игрой
Все тяжкие вопросы
Враз прогоню долой.

Поэма Мироздания —
Без рифм, без мерных строк.
Гимн дивный за строфой строфу
Слагает смертным Бог.

Мне дела нет, что завтра ждет:
В ночи все тьмой заволкло.
Стремлю фантазию в полет
К тому, что быть могло².

Здесь тоже, как и в «Постоянстве», мне попались знакомые вроде бы строфы: первая и последняя. Скоро я опознал в первой начальные строки из «Детей» Лонгфелло, а затем, порывшись в книгах, обнаружил и заключительную — дословное заимствование из прелестной миниатюры Пикока «Воздушные замки».

Отчаявшись разрешить загадку, чего ради Брагдон составлял мозаику из чужих строф, я закрыл стихи и осмотрел часть переплетенных томов из той же коробки.

Первый попавший мне в руки, в переплете из телячьей кожи, содержал в себе «Гамлета»; тисненая надпись на корешке (других не было) гласила:

¹ Пер. С. Сухарева.

² Пер. С. Сухарева.

Гамлет
Брагдон
Нью-Йорк

Я считал это за безобидное проявление тщеславия, едва ли рассчитанное на то, чтобы сбить кого-либо с толку: немалое число коллекционеров помещают собственное имя на корешки своих литературных сокровищ; вообразите же, однако, мой ужас, когда я открыл томик и обнаружил, что с титульного листа стерто имя Уильяма Шекспира, а вместо него вписан Томас Брагдон, причем настолько искусно, что неопытный взгляд не заметил бы ничего подозрительного. Признаюсь, титульный лист меня позабавил:

Гамлет, принц Датский
Трагедия
Томаса Брагдона, эсквайра

Да, у моего покойного друга, когда он бывал настроен чудить, вполне мог зародиться такой замысел. В остальных томах была проделана та же подмена; несведущий в литературе человек решил бы, что «Томас Брагдон, эсквайр» сочинил не только «Гамлета», но и «Ярмарку тщеславия», «Дэвида Копперфилда», «Риенци» и множество других прославленных произведений; помнится, даже загадка авторства «Писем Юниуса» была счастливо решена в пользу Брагдона, хотя большой радости для себя я в этом не усмотрел. Как правило, фамилию настоящего автора замещала фамилия моего друга, но были два исключения; так, в Ветхом Завете на форзаце было выведено: «Моему дорогому другу Брагдону» и подписано: «От автора».

Наверное, я еще долго смеялся, восхищаясь необузданной фантазией моего друга, но тут мне в руки попало второе исключение — томик Мильтона, в котором я сразу узнал свой подарок, посланный Тому к Рождеству за два года до его смерти; на форзаце я написал: «Томасу Брагдону с любовью от неизменно преданного Филипа Марседена». Надпись вполне банальная, но она вдруг об-